

Потенциал и перспективы движения за ограничение интернет-голосования: оценка российской ситуации в контексте мирового опыта

Н.В. Гришин, О.В. Попова

Санкт-Петербургский государственный университет

nvgrishin@mail.ru, pov_64@mail.ru

Аннотация

Статья направлена на изучение политического движения за ограничение и запрет интернет-голосования на национальном и международном уровнях. В настоящее время интернет-голосование применяют свыше 10 стран мира, к их числу с 2019 г. присоединилась Россия. Впервые запрет на применение этого института был введен в Нидерландах в 2008 году. Движение за ограничение и запрет использования интернет-технологий для процедур голосования расширяется и проходит несколько этапов институционализации, в том числе на международном уровне. Статья систематизирует опыт общественных инициатив за законодательный запрет интернет-голосования в отдельных странах мира (Нидерланды, Германия). На основании применения методики оценки потенциала и перспектив групп общественных интересов Ф. Уилсона предложена интерпретация перспектив и потенциала движения против дистанционного электронного голосования как группы общественных интересов в России. Выявлена специфика движения против интернет-голосования в России.

Ключевые слова: интернет-голосование, дистанционное электронное голосование, электронное голосование, группа одной темы

Библиографическая ссылка: Гришин Н.В., Попова О.В. Потенциал и перспективы движения за ограничение интернет-голосования: оценка российской ситуации в контексте мирового опыта // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2022, Санкт-Петербург, 23–24 июня 2022 г. Сборник научных статей). – СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 24 – 33. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-24-33.

1. Введение

Дистанционное голосование с использованием возможностей интернета (i-voting) стало одним из наиболее противоречивых электоральных институтов XXI века [9]. Этот институт впервые был экспериментально апробирован в 2000 г. на президентских праймериз в США (Аризона), на выборах национального уровня впервые использован в 2005 г. в Эстонии, в качестве единственного способа голосования впервые в истории применен в 2012 г. на муниципальных выборах в Канаде. В настоящее время применяется более чем в 10 странах мира, к числу которых с 2019 г. присоединилась Россия. С первых шагов истории института интернет-голосования его сопровождает движение за его ограничение. Противники интернет-голосования в некоторых странах добились его запрещения (впервые – в Нидерландах в 2008 году), в других странах они подрывают доверие к этому институту и снижают легитимность результатов голосования.

Движение против интернет-голосования является практически неизученным в современной науке. Между тем, его динамика предполагает развитие новых форм общественного участия в принятии решений [4].

Целью статьи является оценка динамики, ресурсов и перспектив общественно-политических инициатив по ограничению использования интернет-голосования.

В данной статье предполагается выявить перспективы и особенности формирования движений за ограничение интернет-голосования на основе методологического аппарата изучения группы общественных интересов (public interest groups) в рамках плюралистического теоретического подхода.

2. Методологические аспекты изучения потенциала и перспектив групп общественных интересов

Две основные теоретические концепции, используемые для изучения групп интересов, - плюрализм и некорпоративизм [20]. Плюрализм рассматривает группы интересов в контексте конкуренции разных общественных интересов и групп, вне связи с позицией органов государственной власти. Как правило, предполагается, что органы государственной власти занимают нейтральную позицию и остаются над схваткой [16], однако, данный подход может быть использован для изучения групп интересов даже в условиях активного вмешательства правительства, при условии, если они действуют независимо от него [17].

Группы интересов делятся на отраслевые (sectorial) группы и группы общественных интересов (public interest/case). Последние ориентированы на защиту принципов и ценностей, имеющих значение для всего общества, а не корыстных интересов участников. Группы общественных интересов отличаются более высокой степенью инклюзивности, зачастую – менее формализованы.

Группы общественных интересов, основанные на одной проблеме, они же – группы одной темы (single issue group), имеют отличия от большинства групп общественных интересов. Прежде всего, у них возникают дополнительные сложности с финансированием, привлечением широкой общественной поддержки. При этом они могут быть весьма устойчивыми и долговечными.

Деятельность групп одной темы предполагает логику перекрестного участия: участники группы могут одновременно быть участниками других групп, посвященных иным темам, а также принадлежать к разным политическим партиям.

В современной науке сформулированы некоторые представления о том, от каких факторов зависит эффективность общественных инициатив, поддержанных группами общественных интересов. В своем исследовании Мартин Гиленс выявил, что органы власти гораздо более восприимчивы к общественным инициативам, если они опираются на организованную основу, при этом поддерживающие их организации действуют согласовано и представляют обеспеченные слои населения [14]. Коллективность и согласованность действия обеспечивают более высокую вероятность успеха.

В данном исследовании использован инструментарий для анализа перспектив и потенциала групп интересов, который был предложен и развивается в работах Фрэнка Уилсона [21] и Хайке Клювера [15]. Данный подход предполагает учитывать для анализа следующие формы:

1) *Участие групп интересов в правительственных комитетах и консультативных органах.* Данная форма наиболее значима для отраслевых групп, однако, и группы публичных интересов могут иметь доступ в соответствующие структуры, которые в целом активно развиваются современными государствами.

2) *Формальные и неформальные контакты между заинтересованными группами и государством.* Исследования подтверждают, что неинституционализированные и неофициальные контакты с представителями органов власти рассматриваются лидерами

групп интересов как эффективные. Данная форма также имеет особое значение для отраслевых групп.

3) *Кампании по связям с общественностью.* Данная форма, более перспективная для групп публичных интересов по сравнению с отраслевыми группами, предполагает выпуск массовых изданий, газет или информационных продуктов, рассчитанных на неограниченную аудиторию с целью их мобилизации.

4) *Судебные иски.* Одна из радикальных форм, в равной степени относящаяся как к группам общественных интересов, так и к отраслевым группам. Данная форма используется, когда иные механизмы влияния на власть оказываются неэффективными.

5) *Парламентское лоббирование.* Одна из форм институционализированного присутствия групп интересов в органах власти, наиболее удобная для отраслевых групп. Предполагает наличие в представительном органе собственной фракции или отдельных депутатов.

6) *Политические партии.* Группы интересов могут взаимодействовать с политическими партиями, через их посредство обеспечивая продвижение своих целей в процессе принятия политических решений.

7) *Демонстрации, забастовки, прямое действие.* Демонстрации, марши, забастовки и другие формы прямого действия обычно рассматриваются как эффективные средства давления на правительство, при этом они более удобны для групп общественных интересов.

Применение данных форм анализа позволяет охарактеризовать и понять перспективы воздействия групп интересов на органы государственной власти.

3. Зарубежные модели групп интересов, выступающих против интернет-голосования

Некоторые зарубежные страны демонстрируют примеры высокой результативности движений против интернет-голосования. Данные движения смогли добиться от государства либо запрета в использовании данного инструмента, либо заблокировали его распространение на практике. В Нидерландах, Германии и США основу движения против интернет-голосования составляют IT-специалисты; публичные политики играют в нем очень скромную роль.

Вероятно, первое в мировой истории масштабное движение за ограничение интернет-голосование возникает в Нидерландах в середине 2000-х годов. Его институциональной основой стала общественная организация «Wij vertrouwen Stemcomputers niet» («Мы не доверяем компьютерам для голосования»), основанная бывшим хакером и учредителем интернет-провайдера Р. Гонгспрайсом. В 2006-2007 гг. организация провела серию громких акций, в их числе публичные демонстрации взлома систем электронного голосования и подачу иска в суд, который был выигран в 2007 г. Таким образом, кампания по запрету электронного голосования в Нидерландах была стремительной и обошлась усилиями немногочисленной группы IT-специалистов.

В Германии первые жалобы против электронного голосования были поданы после всеобщих выборов 2005 г., когда два избирателя обратились в Конституционный суд, выразив опасения по поводу возможности взлома машин для голосования. Лидером общественной кампании против электронного голосования стала группа по защите данных от хакеров «Chaos Computer Club», которая тесно сотрудничала и получала поддержку от упомянутого выше нидерландского фонда «Wij vertrouwen Stemcomputers niet». Организация высказывала опасения относительно высокой вероятности ошибок и злоупотреблений при электронном голосовании. В результате Конституционный суд признал электронное голосование противоречащим избирательным правам человека.

В США движение против интернет-голосования развивается преимущественно в рамках научного дискурса. Это движение отличается низкой степенью консолидации, при этом можно выделить ряд лидеров.

Профессор Принстонского университета Э. Аппель регулярно публикует работы, содержащие критику интернет-голосования, в частности, в исследовании 2021 года констатировал, что проблемы с кибербезопасностью возникали практически во всех случаях применения интернет-голосования в разных странах мира с 2000 по 2020 год [12]. М. Спектер из Массачусетского технологического института и А. Халдерман из Мичиганского университета в работе 2020 года пришли к выводу о «фатальной небезопасности» всех современных форм интернет-голосования [19]. В официальном докладе Агентства по кибербезопасности США 2020 года говорилось, что «технологии электронного голосования сопряжены с высоким риском даже при наличии контроля» и «являются более уязвимыми, чем другие формы дистанционного голосования» [13]. В еще более критическом тоне подготовлен доклад Национальной академии наук США в 2018 году: в нем сказано, что «ни одна известная технология не гарантирует секретность, безопасность и проверяемость бюллетеней, передаваемых через интернет», поэтому «безопасное интернет-голосование, скорее всего, будет невозможно в ближайшем будущем» [18]. Во всех этих исследованиях эксперты отмечали, что нельзя исключить возможность кражи голосов как со стороны инсайдеров из числа сотрудников избирательных комиссий, так и со стороны «внешних» хакеров. Можно прийти к выводу, что большинство американских специалистов, высказывающихся относительно интернет-голосования, оценивают этот институт скорее негативно. Поскольку США далеки от полноценного внедрения интернет-голосования на практике, дискуссия по этому поводу не приобрела политизированный характер и не вышла за рамки экспертного сообщества.

4. Критика интернет-голосования в России

Российское движение против интернет-голосования имеет внутреннюю неоднородность, прежде всего, по критерию принципиальности в отношении к этому институту. Критики интернет-голосования в России могут быть разделены на две основные группы:

1) *Критики российской модели организации ДЭГ, не отрицающие при этом принципиальную возможность голосования при помощи интернета.*

Среди политических партий с умеренной критикой российской практики интернет-голосования выступили «Справедливая Россия» и «Партия роста».

Позиция партии «Справедливая Россия» включает критические оценки при отсутствии принципиального отрицания этого института. В феврале 2021 г. лидер партии С. Миронов заявил: «Должны быть понятные и публичные гарантии того, что электронное голосование не станет площадкой для махинаций, теперь уже в режиме онлайн. Если таких гарантий нет, то лучше от него на парламентских выборах отказаться» [6].

«Партия роста» призвала в марте 2022 г. расширить возможности гражданского контроля и принять меры по обеспечению общественного доверия [8].

Большинство российских экспертов, критически выступивших против ДЭГ, также занимают умеренную позицию. Движение «Голос»*, Ю. Латынина*, М. Кац* и А. Брюханова, критикуя опыт использования ДЭГ в 2021 г., не заявили о необходимости отказа от института интернет-голосования в принципе. Программист П. Жижин [5] и А. Заякин* критиковали практику российского ДЭГ на выборах в сентябре 2021 года. Политолог Г. Голосов заявил, что об использовании этого института в российских условиях «и думать не стоит» [2].

2) *Принципиальные противники института интернет-голосования, призывающие к безусловному отказу от него.*

За принципиальный отказ от интернет-голосования в России выступают ряд влиятельных публичных фигур.

*Министерством юстиций РФ внесен в единый реестр иностранных агентов

Из российских политических партий последовательными противниками интернет-голосования выступают КПРФ и «Яблоко».

Представитель КПРФ Дарья Митина стала одной из первых в России публичных фигур, выступивших против интернет-голосования. Лидеры партии (Г. Зюганов, В. Рашкин, Д. Новиков и др.) неоднократно негативно высказывались об институте интернет-голосования. В декабре 2021 г. фракция КПРФ в парламенте внесла законопроект об отмене ДЭГ. Движение «За новый социализм» (Н. Платошкин, А. Глазкова) инициировало сбор подписей за отмену интернет-голосования. Депутат Госдумы ФС РФ А. Глазкова сообщила в феврале 2022 г., что КПРФ и «Новый социализм» смогли собрать несколько тысяч подписей [1].

Р. Юнеман, первый российский политик, прямо «пострадавший» от ДЭГ (на выборах в Мосгордуму в 2019 г.), стал не только символом, но и одним из лидеров борьбы против этого института. С этой целью уже в 2019 г. им был создан веб-сайт «Электронное голосование».

В сентябре 2021 г. на Change.org была создана петиция об отмене ДЭГ в России; по состоянию на апрель 2022 года она собрала свыше 28 тыс. подписей [7]. В декабре того же года была создана новая петиция «Против нового законопроекта об электронном голосовании на выборах», которую подписали свыше 2 тыс. чел.

В сентябре 2021 г. около 750 членов московских избиркомов и наблюдателей подписали открытое письмо, в котором интернет-голосование было названо «инструментом фальсификаций» [10].

Среди российских электоральных экспертов С. Шпилькин высказал принципиальное замечание относительно интернет-голосования: «У меня к ДЭГ скорее концептуальная претензия: непрозрачная для независимого контроля система, находящаяся в руках органов исполнительной власти, не может служить доверенной средой для выборов. ДЭГ является способом давления на бюджетников» [11].

23 сентября 2021 года кандидаты в депутаты Госдумы ФС РФ, представляющие разные политические силы, в их числе М. Литвинович, объявили о создании коалиционного комитета «За отмену ДЭГ». В заявлении среди задач объединения было указано – «Добиваться отмены использования систем электронного голосования на предстоящих выборах всех уровней». Петицию подписали позже Л. Соболь*, М. Шевченко. Это объединение никак не проявило себя в дальнейшем, в частности, во время принятия в марте 2022 г. закона о применении ДЭГ на выборах всех уровней в России.

5. Оценка потенциала и перспектив движения против интернет-голосования в России как группы общественных интересов

Применение подхода Ф. Уилсона и Х. Клувера позволяет охарактеризовать перспективы и потенциал движения против интернет-голосования в России как группы общественных интересов по отдельным предложенным этой методикой формам.

1) Участие групп интересов в правительственных комитетах и консультативных органах. Данная форма практически не доступна для участников движения против ДЭГ в России. Имеющихся у них немногочисленные каналы доступа к этой форме, по сути, заблокированы и неэффективны. 4 февраля 2020 года при обсуждении ДЭГ в Общественной палате были допущены члены Группы общественного аудита по ДЭГ, но противникам этого института слово не было предоставлено.

2) Формальные и неформальные контакты между заинтересованными группами и государством. Отсутствуют свидетельства об использовании (и наличии возможности использования) этой формы со стороны противников ДЭГ в России. Можно сделать вывод,

*Министерством юстиций РФ внесен в единый реестр иностранных агентов

что лидеры этого движения не обладают достаточно надежными неформальными контактами с лицами, принимающими соответствующие решения.

3) Кампании по связям с общественностью. Возможности данной формы не были использованы противниками ДЭГ в значительной степени. Единственным примером использования этой формы является создание Р. Юнеманом тематического веб-сайта против интернет-голосования в 2019 году, который впоследствии не развивался. Значительные и успешные информационные продукты (видеоролики, буклеты, подкасты), рассчитанные на широкую аудиторию, не были подготовлены.

4) Судебные иски. Первые иски, связанные с ДЭГ, были поданы представителями КППРФ в сентябре 2021 г. Данные иски касались отмены официальных результатов голосования на конкретных состоявшихся выборах и указывали на факты процедурных нарушений. Перспективы судебных исков по отмене результатов выборов в России очень низкие в результате как особенностей избирательного законодательства, так и правоприменения. Иски, в которых оспаривался бы институт интернет-голосования как таковой (подобно искам в Нидерландах и Германии), поданы не были. Таким образом, возможности этого инструмента влияния не были использованы российскими противниками интернет-голосования.

5) Парламентское лоббирование. Противники интернет-голосования представлены в Государственной Думе России, прежде всего, фракцией КППРФ. Федеральными депутатами являются некоторые из лидеров движения (Г. Зюганов, Д. Новиков, А. Глазкова, в прошлом В. Рашкин и др.). Присутствие в парламенте не сказалось на процессе принятия решения о введении интернет-голосования. Другие активисты движения против ДЭГ не пытались использовать инструмент парламентского лоббирования для продвижения своей позиции.

6) Политические партии. Среди влиятельных российских партий КППРФ и «Яблоко» твердо занимают позицию против интернет-голосования. Существенных попыток повлиять на позицию других политических партий зафиксировать не удалось. Противники ДЭГ, не относящиеся к двум указанным партиям, проводят свою деятельность, не пытаясь использовать ресурсы политических партий.

7) Демонстрации, забастовки, прямое действие. Формы прямого действия против ДЭГ ограничивались сбором подписей против введения этой формы голосования в период декабря 2021-февраля 2022 годов. К акциям прямого действия могут быть отнесены интернет-петиции, которые, видимо, были единственными массовыми акциями в рамках движения против интернет-голосования в России. Митинги, митинги, демонстрации, забастовки, касающиеся интернет-голосования, не проводились.

Таким образом, практически ни одна из форм воздействия на общество и государство, предусмотренных подходом Ф. Уилсона и Х. Ключера, не была использована российским движением противников интернет-голосования в сколько-нибудь активной и эффективной степени.

По сравнению с ситуацией в Нидерландах и Германии, где противники электронного голосования весьма быстро добились принятия соответствующего государственного решения, в России кампания против этого института имеет более продолжительную историю и вовлекла широкий круг участников. Возникли более благоприятные условия для институционализации группы одной темы.

Весьма специфичен круг лиц, участвующих в движении против интернет-голосования в России. В США, Нидерландах и Германии в этом движении задают тон специалисты по кибербезопасности. В России, напротив, IT-специалисты публично не высказывают сомнения в возможностях интернет-голосования и не поддерживают опасения, которые исходят преимущественно от политических активистов.

Социальная база движения противников интернет-голосования в России скорее свидетельствует о возможностях успеха. В движении участвуют преимущественно жители столиц, представители обеспеченных социальных групп. Тем не менее, данный фактор едва ли имеет существенное значение для оценки перспектив этого движения, поскольку оно

сфокусировано не на групповых, а всеобщих публичных интересах. В связи с этим какой-либо консолидации высших слоев населения по этому вопросу ожидать не приходится.

Движение противников интернет-голосования в России отличается исключительно низкой степенью консолидации и координации действий. Принадлежность противников этого института к полярным по отношению друг к другу партиям затрудняет возможность координации совместных действий по этому вопросу. Перспективной формой консолидации противников интернет-голосования потенциально могло бы стать проблемно-ориентированное движение. Однако, создание комитета «За отмену ДЭГ» не привело к появлению сколько-нибудь устойчивой структуры.

Совпадающая позиция активистов из разных политических групп по вопросу о ДЭГ вступила в противоречие с их партийной идентичностью. Модель перекрестного участия не сложилась. Партийная идентичность оказалась сильнее перспективы создать консолидированную группу одной темы для борьбы против конкретного института.

6. Заключение

Можно предположить, что наиболее активная фаза противостояния институту интернет-голосования в мировом масштабе еще впереди. Ведущие международные организации, участвующие в разработке и уточнении избирательных стандартов [3], пока не высказались по этому вопросу.

Проведенный анализ позволяет выявить субъективные причины, объясняющие разную степень эффективности движений против интернет-голосования как групп общественных интересов. Опыт Нидерландов с высокой наглядностью демонстрирует эффективность существующей в этой стране модели прямого публичного влияния на государственную политику. Любопытно, что в Нидерландах и Германии противники электронного голосования добились успеха, используя инструмент судебных исков, апеллируя к юридическим аспектам проблемы, обжалуя невозможность обеспечения базовых избирательных стандартов. Практика показывает, что такой путь борьбы против интернет-голосования является наиболее результативным. Противники интернет-голосования в США также строят свою аргументацию на противоречии между электронными технологиями и задачами по обеспечению базовых избирательных стандартов.

Особенностью российской ситуации является высокая степень настойчивости, с которой органы власти внедряют интернет-голосование. В связи с этим вопрос об использовании этого института приобретает дополнительную политизированную окраску. В частности, на первый план вышел вопрос не об институте интернет-голосования как таковом, а о его конкретной форме, которая была предложена органами власти. Не имея сильной поддержки со стороны IT-экспертов, какая была в Нидерландах, Германии и США, российское движение против электронного голосования лишено ряда существенных аргументов. Проведенный анализ показывает, что российское движение противников интернет-голосования, не смотря на наличие ряда влиятельных субъектов, в слабой степени использует формы влияния на органы государственной власти, что существенно ограничивает его потенциал и перспективы.

Литература

- [1] Глазкова против ДЭГ [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video228487284_456263562 (дата обращения: 13.04.2022).
- [2] Голосов Г. В том безобразии URL: <https://www.facebook.com/grigorii.golosov/posts/3919563231478828> (дата обращения: 13.04.2022).
- [3] Гришин Н.В. Развитие международных избирательных стандартов: что дальше? // Политическая наука. 2019. № 1. С. 33–47.

- [4] Гришин Н.В., Линдерс А.М.Р. Децентрализация системы управления выборами // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 3. С. 99-115.
- [5] Жижин П. Что же не так с ДЭГ в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/579350/> (дата обращения: 13.04.2022).
- [6] Миронов С. Должны быть понятные и публичные гарантии того, что электронное голосование не станет площадкой для махинаций [Электронный ресурс]. URL: <https://spravedlivo.ru/11011010> (дата обращения: 13.04.2022).
- [7] Отменить результаты электронного голосования! [Электронный ресурс] URL: <https://www.svoboda.org/a/sdelano-toporno-i-grubo-blogery-ob-itogah-elektronnogo-golosovaniya/31472820.html> (дата обращения: 13.04.2022).
- [8] Позиция Партии Роста по дистанционному электронному голосованию [Электронный ресурс]. URL: <https://rost.ru/presscenter/posts/pozitsiya-partii-rosta-po-distantsionnomu-elektronnemu-golosovaniyu/> (дата обращения: 14.04.2022).
- [9] Попова О.В. Электронная система голосования: практики, политические эффекты и риски // *Социальные изменения в глобальном мире. Материалы Четвертой Международной научной конференции*. 2017. С. 949-966.
- [10] Ромашенко С. Члены избиркомов требуют отмены результатов ДЭГ в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/chleny-izbirkomov-trebujut-otmeny-rezultatov-djeg-v-moskve/a-59288826> (дата обращения: 13.04.2022).
- [11] Шпилькин С. В относительном выражении объем фальсификаций стал рекордным [Электронный ресурс]. URL: <https://og.ru/ru/article/122268> (дата обращения: 13.04.2022).
- [12] Appel A. Internet Voting is Still Inherently Insecure [Электронный ресурс]. URL: <https://freedom-to-tinker.com/2021/04/27/internet-voting-is-still-inherently-insecure/> (дата обращения: 12.04.2022).
- [13] CISA. Risk Management for Electronic Ballot Delivery, Marking, and Return [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/f/?id=00000172-9406-dd0c-ab73-fe6e10070001> (дата обращения: 13.04.2022).
- [14] Gilens M. *Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America*. Princeton University Press, 2013.
- [15] Klüver H. The survival of interest groups: evidence from Germany // *West European Politics*. 2020. Vol. 43, № 7. P. 1436-1454.
- [16] Lijphart A. *Patterns of Democracy*. Yale University Press, 2012.
- [17] Martin R. Pluralism and the New Corporatism // *Political Studies*. 1983. Vol. 31, № 3. P. 461-462.
- [18] National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. *Securing the Vote: Protecting American Democracy*. Washington, DC: The National Academies Press, 2018.
- [19] Specter M., Halderman A. Security Analysis of the Democracy Live Online Voting System [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usenix.org/conference/usenixsecurity21/presentation/specter-security> (дата обращения: 12.04.2022)
- [20] Wiarda H. Corporatism versus Pluralism and Authoritarianism as Association Contexts / Wiarda H., Adams P., Wai-man L., Wilson D. // *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- [21] Wilson F. French Interest Group Politics: Pluralist or Neocorporatist? // *The American Political Science Review*. 1983. Vol. 77, № 4. P. 895-910.

The Potential and Prospects of the Movement Against Internet Voting: An Assessment of the Russian Situation in the Context of World Experience

N. Grishin, O. Popova

Saint Petersburg State University

The article is aimed at studying the political movement for the restriction and prohibition of Internet voting at the national and international levels. Currently, more than 10 countries of the world use Internet voting, Russia has joined since 2019. The first ban on the use of this institution was introduced in the Netherlands in 2008. The movement to limit and ban the use of Internet technologies for voting procedures is expanding and going through several stages of institutionalization, including at the international level. The article systematizes the experience of public initiatives for the legislative ban on Internet voting in certain countries of the world (the Netherlands, Germany). Based on the application of the methodology for assessing the potential and prospects of public interest groups by F. Wilson, an interpretation of the prospects and potential of the movement against remote electronic voting as a public interest group in Russia is proposed. The specifics of the movement against Internet voting in Russia are revealed.

Keywords: internet voting, remote e-voting, e-voting, single issue group

Reference for citation: Grishin N., Popova O. The Potential and Prospects of the Movement Against Internet Voting: An Assessment of the Russian Situation in the Context of World Experience // The State and Citizens in the Electronic Environment. Vol. 6 (Proceedings of the XXV International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2022, St. Petersburg, June 23-24, 2022). – St. Petersburg: ITMO University, 2022. P. 24 – 33. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-24-33.

Reference

- [1] Glazkova protiv DEG [Elektronnyy resurs]. URL: https://vk.com/video228487284_456263562 (access date: 13.04.2022). (In Russian).
- [2] Golosov G. V tom bezobrazii URL: <https://www.facebook.com/grigorii.golosov/posts/3919563231478828> (access date: 13.04.2022). (In Russian).
- [3] Grishin N.V. Razvitiye mezhdunarodnykh izbiratel'nykh standartov: chto dal'she?// Politicheskaya nauka. 2019. № 1. P. 33–47. (In Russian).
- [4] Grishin N.V., Linders A.M.R. Detsentralizatsiya sistemy upravleniya vyborami // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki). 2020. № 3. P. 99-115. (In Russian).
- [5] Zhizhin P. Chto zhe ne tak s DEG v Moskve [Elektronnyy resurs]. URL: <https://habr.com/ru/post/579350/> (access date: 13.04.2022) (In Russian).
- [6] Mironov S. Dolzhny byt' ponyatnyye i publichnyye garantii togo, chto elektronnoye golosovaniye ne stanet ploshchadkoy dlya makhinatsiy [Elektronnyy resurs]. URL: <https://spravedlivo.ru/11011010> (access date: 13.04.2022) (In Russian).
- [7] Otmenit' rezul'taty elektronnoy golosovaniya! [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.svoboda.org/a/sdelano-toporno-i-grubo-blogery-ob-itogah-elektronnoy-golosovaniya/31472820.html> (access date: 13.04.2022) (In Russian).
- [8] Pozitsiya Partii Rosta po distantsionnomu elektronnomu golosovaniyu [Elektronnyy resurs]. URL: <https://rost.ru/presscenter/posts/pozitsiya-partii-rosa-po-distantsionnomu-elektronnomu-golosovaniyu/> (access date: 14.04.2022) (In Russian).
- [9] Popova O.V. Elektronnaya sistema golosovaniya: praktiki, politicheskiye efekty i riski // Sotsial'nyye izmeneniya v global'nom mire. Materialy Chetvertoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 2017. P. 949-966. (In Russian).

- [10] Romashenko S. Chleny izbirkomov trebuyut otmeny rezul'tatov DEG v Moskve [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.dw.com/ru/chleny-izbirkomov-trebujut-otmeny-rezultatov-djeg-v-moskve/a-59288826> (access date: 13.04.2022) (In Russian).
- [11] Shpil'kin S. V otnositel'nom vyrazhenii ob'yem fal'sifikatsiy stal rekordnym [Elektronnyy resurs]. URL: <https://og.ru/ru/article/122268> (data obrashcheniya: 13.04.2022) (In Russian).
- [12] Appel A. Internet Voting is Still Inherently Insecure. URL: <https://freedom-tinker.com/2021/04/27/internet-voting-is-still-inherently-insecure/> (access date: 12.04.2022).
- [13] CISA. Risk Management for Electronic Ballot Delivery, Marking, and Return. URL: <https://www.politico.com/f/?id=00000172-9406-dd0c-ab73-fe6e10070001> (access date: 13.04.2022).
- [14] Gilens M. *Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America*. Princeton University Press, 2013.
- [15] Klüver H. The survival of interest groups: evidence from Germany // *West European Politics*. 2020. Vol. 43, № 7. P. 1436-1454.
- [16] Lijphart A. *Patterns of Democracy*. Yale University Press, 2012.
- [17] Martin R. Pluralism and the New Corporatism // *Political Studies*. 1983. Vol. 31, № 3. P. 461-462.
- [18] National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. *Securing the Vote: Protecting American Democracy*. Washington, DC: The National Academies Press, 2018.
- [19] Specter M., Halderman A. Security Analysis of the Democracy Live Online Voting System [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usenix.org/conference/usenixsecurity21/presentation/specter-security> (дата обращения: 12.04.2022).
- [20] Wiarda H. (2016). Corporatism versus Pluralism and Authoritarianism as Association Contexts/ Wiarda H., Adams P., Wai-man L., Wilson D. // *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- [21] Wilson F. French Interest Group Politics: Pluralist or Neocorporatist? // *The American Political Science Review*. 1983. Vol. 77, № 4. P. 895-910.